

Новые субъекты и технологии государственной политики: актуальная практика и перспективы

New subjects and technologies of state policy: actual practice and prospects

DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-65-91

УДК 32.019.5 + 316.77

Получено: 21.12.2020

Одобрено: 11.02.2021

Опубликовано: 25.03.2021

Володенков С.В.

д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Volodenkov S.V.

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University
e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Сидорович А.В.

д-р экон. наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, директор Казахстанского филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: avsidorovich42@mail.ru

Sidorovich A.V.

Doctor of Economics, Professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, director of the Kazakhstan branch of the Lomonosov Moscow State University
e-mail: avsidorovich42@mail.ru

Щербинин А.И.

д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Национального исследовательского Томского государственного университета
e-mail: shai52@mail.ru

Shcherbinin A.I.

Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Political Science, National Research Tomsk State University.
e-mail: shai52@mail.ru

Манойло А.В.

д-р полит. наук, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Manoylo A.V.

Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Russian Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University
e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Федорченко С.Н.

канд. полит. наук, доцент, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета
e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Fedorchenko S.N.

PhD Candidate of Political Science, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and law, Moscow Region State University
e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Зверев А.Л.

канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доцент факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета
e-mail: zveandr@mail.ru

Zverev A.L.

Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Associate Professor at the Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities

Митева В.В.

канд. полит. наук, старший научный сотрудник кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова
e-mail: miteva@mail.ru

Miteva V.V.

Candidate of Political Science, Senior Researcher, Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University
e-mail: miteva@mail.ru

Подрезов М.В.

канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета.
e-mail: misha_1101@mail.ru

Podrezov M.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, National Research Tomsk State University
e-mail: misha_1101@mail.ru

Федоров В.И.

аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: fedorov@polit.msu.ru

Fedorov V.I.

Postgraduate student at the Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

e-mail: fedorov@polit.msu.ru

Аннотация

20 ноября 2020 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности», приуроченная к 10-летию юбилею кафедры государственной политики факультета политологии Московского Университета. В рамках конференции, участие в которой приняли ученые и специалисты из России, США, Болгарии и Казахстана, были проведены пленарное заседание и ряд секционных заседаний, посвященных проблематике современной государственной политики. В данной обзорной работе содержатся ключевые материалы, представленные в докладах и определившие ход и содержание научно-экспертной дискуссии в рамках секции «Новые субъекты и технологии государственной политики: актуальная практика и перспективы», в работе которой участвовали исследователи и эксперты из Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Московского государственного областного университета, Российского государственного гуманитарного университета, Национального исследовательского Томского университета, Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан), а также Пловдивского университета имени Паисия Хиледарского (Пловдив, Болгария). В качестве методологических оптик использовались принципы компаративистики, Case Study, контент-анализа, Big Data. В рамках кейса «Incommunicado» обозначены пределы распространения нового типа коммуникаций. В выводах подчеркивается, что цифровизация и технологические трансформации основных сфер функционирования современного государства и общества сопровождаются появлением принципиально новых субъектов политики, претендующих на властные ресурсы. Эти процессы формируют нелинейные эффекты, влияющие на содержание, функциональность и структуру деятельности современных государств, а также на параметры функционирования национальных политических режимов.

Ключевые слова: incommunicado, информационная политика государства, национальные политические трансформации, сетевая массовая коммуникация, политическая легитимация, политический субъект, цифровизация, цифровой аватар, субъектность, социальные сети, общественное мнение, технологические трансформации, электронное голосование.

Abstract

November 20, 2020, at the Lomonosov Moscow State University the all-Russian scientific conference with international participation «State policy in the context of global challenges of modernity» was held, timed to the 10th anniversary of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Moscow University. Within the framework of the conference, which was attended by scientists and specialists from Russia, the USA, Bulgaria and Kazakhstan, a plenary session and several section meetings devoted to the problems of modern public policy were held. This review paper presents the key materials presented in the reports and determined the course and content of the scientific and expert discussion within the section «New subjects and technologies of state policy: current practice and prospects», in which scientists, specialists and experts from the Lomonosov Moscow State University, Moscow State Regional University, Russian State University for the Humanities, National Research Tomsk University, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan), as well as University of Plovdiv Paisii Hilendarski (Plovdiv, Bulgaria). The principles of comparative studies, Case Study, content analysis, Big Data were used as methodological opticians. Within the framework of the «Incommunicado» case, the limits of the spread of this new type of communications are outlined. The conclusions emphasize that

digitalization and technological transformations of the main spheres of functioning of the modern state and society are accompanied by the emergence of fundamentally new political actors claiming power resources. These processes form nonlinear effects that affect the content, functionality and structure of the activities of modern states, as well as the parameters of the functioning of national political regimes.

Keywords: incommunicado, information policy of the state, national political transformations, network mass communication, political legitimation, political subject, digitalization, digital avatar, subjectness, social networks, public opinion, technological transformations, electronic voting.

Информационная политика государства в условиях национальных политических трансформаций

Современные трендовые общественно-политические процессы формируют ряд серьезных вызовов для государства, на которые, прежде всего, в информационном плане требуется сформулировать основные направления политики в данной сфере, способные стать эффективным ответом на появление подобных вызовов. Одним из самых важных вызовов в процессе текущих национальных политических трансформаций становится жесткое информационное противостояние отдельных стран друг другу в современном медиапространстве, имеющее тенденцию к жесткой дифференциации по национально-идеологическому критерию с целью возвышения собственного имиджа как возможно единственной страны-цивилизации, отстаивающей передовые для всего человечества ценности, способной гарантировать быстрое осуществление идущих трансформаций в мире. Такой во многом потенциально конфликтный подход в информационной политике государств запускает механизм информационно-цивилизационного противостояния отдельных стран друг другу в современном медиаполитическом пространстве, дающий питательную основу для становящейся повседневной практики информационных войн, в которой формируется во многом своеобразная событийная псевдореальность для масс, имеющая во многом мифологический продукт с якобы актуальными для реальности ценностями, смыслами и символами, апеллирующими во многом к актуализации скорее этнического (даже расового), чем гражданского концепта национально-государственной идентичности отдельных стран.

Выделенный тренд во многом стал неожиданным результатом, начавшегося еще в 1990-е гг. процесса национальных политических трансформаций, вызванных тотальным распространением по всему миру глобализационных процессов, в которых акцент был смещен на создание более-менее единого экономического мирового пространства, в его рамках планировалось приобщение стран незападной цивилизации к системе западного образа жизни, способного обеспечить высокий уровень жизни граждан в таком социуме. Эта модель стала своеобразной мечтой для многих из них, вне зависимости от их, к примеру, конфессиональной или национальной принадлежности, но, как позднее стало понятным, такая модель была, скорее, направлена на нивелирование всех форм национальной идентичности стран, присоединяющихся к этим процессам и вынужденных идти в фарватере западных ценностей, инкорпорировавшихся в культуры этих стран одновременно с включением их в глобальный мир. При этом, как предполагал М. Хайслер в статье «Этничность и этнические отношения в современном Западе» (1990 г.), современный глобализационный социум сможет эволюционировать в стадию постнационализма, когда единение общества и индивида воспроизводится через гражданство, а не через этнический маркер [23, с. 12].

Параллельно с этим этническая составляющая [24], только что ставшая объединяющей коммуникативной платформой для консолидации нации, может быть потерянной. Поэтому доминирующий в обществе этнос может запускать в информационное пространство событийные сюжеты, способные выполнить функции его защитных механизмов по типу агрессии, проекции, рационализации и др. Во многих таких случаях идет обращение к

технологии формирования информационного образа жертвы и обвинения ее во всех собственных просчетах и грехах. Эта информационная технология задействует несколько психологических механизмов на разных стадиях. На первой стадии – проекция, когда господствующий этнос переносит свои отрицательные качества на жертву, что она зла, коварна, ленива и т.д. На второй – атрибуция, акцент делается на приписывании одних и тех же шокирующих общественность негативных качеств всем членам обвиняемого этноса. Третья – дегуманизация жертвы, в ситуации, когда проекция и атрибуция лишают жертву или «врага» всех человеческих качеств, что позволяет уже не руководствоваться моральными принципами в своих действиях к ним. Четвертая стадия – рационализация, в рамках которой доминантный этнос оправдывают свои действия тем, что жертва обязана понести наказание (например, через применение к ней санкций), так как ей свойственны все, какие только возможны отрицательные черты, и она не заслуживает равного к ней отношения и одних со всеми другими прав. Подобная вариация проведения информационной политики путем обвинения жертвы во всем, что только может быть возможным, является одной из форм самооправдания собственного публичного поведения представителей доминирующего этноса. Когда при помощи массированного информационного воздействия будет сформирован негативный образ жертвы, то в массовом сознании начнут работать установки, которые будут блокировать любую информацию, противоречащую ранее сформированному вокруг жертвы «образу врага», запуская психологические механизмы вытеснения, подавления, рационализации. В этой ситуации противоречащая установкам индивида информация будет распознана как ложь или интерпретирована негативно, а ее источник дискредитирован. Именно по подобному алгоритму сегодня во многом осуществляется информационная война с внутренними и внешними оппонентами большинством западных стран.

Еще одним важным вызовом для государства в плане осуществления обыденных текущих практик массовой политической коммуникации со своими гражданами стал зарождающийся тренд на предпочтение получения последними сетевого событийного контента из различных ресурсов интернета, который в меньшей степени контролируется государством и часто вступает в острую конкурентную борьбу с новостями официальными как альтернативный, но, часто и, как фейковый, источник информации, правда, иногда лучше ориентированный на складывающиеся конъюнктурные пользовательские сетевые тренды и быстрее и увлекательно как содержательно, так и по форме подачи, транслирующий для пользователей активно на них реагирующие. В нашей стране сегодня, к сожалению, часто транслируется однообразный официальный контент, контролируемый со стороны государства, в том числе политических новостей с такой же «скучной» формой их подачи от традиционных СМИ, прежде всего, через отечественное телевидение, которое недостаточно, по мнению респондентов, освещает внутренние общественно-политические и социально-экономические проблемы современной России. Это ведет к тому, что уровень доверия граждан к контенту современного российского телевидения постепенно падает [18], а интернет-ресурсы становятся предпочтительными источниками получения информации, особенно для граждан до 45 лет, проживающих в крупных российских мегаполисах (от 1 млн и выше) [21], являющихся часто носителями альтернативного от государства общественного мнения, способных в сетях найти себе единомышленников и сформировать виртуальные сообщества, имеющие значительный протестный потенциал и представляющие еще один актуальный коммуникативный вызов для государства, на который оно должно дать ответ в собственной информационной политике.

В этом плане, по мнению Г.А. Асмолова и А.Г. Асмолова, современная сетевая интернет-коммуникация развивается по следующим направлениям: сеть как базис интернет-сообщества – в ней отдельные индивиды формируют новостной контент для больших аудиторий и имеют возможность на этой основе их мобилизовать вокруг тех или иных целей (ценностей); сеть как «нервная система» социума, способная трансформировать общество, конструируя в нем совершенно новые комбинации связей между сообществами и

традиционными социальными группами, а также сочетание медийных и социальных систем, все это может способствовать непредсказуемости развития текущих социально-политических процессов; сеть как «фабрика утопий», конструирующая невиданные ранее формы социальных и политических отношений, которые ослабляют влияние доминирующей в обществе социокультурной матрицы медийного политического восприятия в угоду индивидуального проектирования новых ценностных ориентиров; «сетевая толпа» как ресурс для самомобилизации (по технологии краудсорсинга) снизу вверх при возникающей актуальной для этого сообщества новостного сюжета или идеи, при актуализации как эмоциональной реакции, так и к более осмысленным форматам во многом протестного реагирования на текущий политический контекст в формате «умной толпы» [2, с. 3-28].

Вместе с тем, возможна и практика так называемого «коннективного» действия сетей, которая дифференцируется по локальным сообществам, ориентированным на потребление событийного контента в рамках информационных капсул [9, с. 192], представляющих своеобразные «информационные пузыри», доступ к которым с иными, не принятыми в рамках этих сетей контентом и их интерпретациями, затруднен, что значительно «тушит» намечающийся тренд мобилизационной активности пользователей сетей, быстро сводя их на нет, часто не давая накапливающуюся, прежде всего, активистскую неудовлетворенность ходом обсуждаемого контента текущих новостей выплескивать в конкретные политические действия в реальной политике (либо проявляющийся такой тренд «интернет-мобилизации» будет краткосрочным). Во многом на такую модель работы сетевой политической коммуникации между гражданами направлена внедряемая государством в современном Китае система социального рейтинга, где граждане отвлечены от часто непродуктивной сетевой дискуссии по текущей событийной политической повестке, а больше заняты зарабатыванием баллов и увеличением своего социального рейтинга, становящегося капиталом к предоставлению, в том числе и со стороны государства, основных социальных благ и статуса в социуме.

В этих условиях действующей власти в рамках выработки актуальной информационной политики государства в ситуации текущих политических трансформаций в том или ином режиме необходимо выработать алгоритм управления новой формирующейся коммуникативной средой как фоном в процессе конструирования привлекательного образа собственной страны в международном публичном пространстве, так и не допускать не критичное восприятие населением своей страны, возможно, фейкового формата привлекательности иных стран, так как в этом случае открывается «окно возможностей» для применения «мягкой силы» влияния зарубежных стран на текущее состояние массового сознания в государстве и переориентирование граждан в ценностно-смысловое поле инокультурного зарубежного влияния, вплоть до разрушения основ имеющейся национально-государственной идентичности населения страны-реципиента, подвергшейся подобному иностранному медийному влиянию.

В рамках реализации информационной политики государства нужно обозначить следующие приоритеты эффективного управления массовыми политическими коммуникациями в трансформационных условиях:

- выделение смысловой (концептуальной, идеологическо-ценностной) ориентации информационной политики как одной из форм политической социализации граждан, в которой было бы понятно, в какой стране живет человек, на какие ценностные базисные конструкты ориентируется в своей текущей политике государство, в чем смысл его существования и в каком направлении будет развиваться как сама страна, так и ее граждане, и какие основы являются приоритетными в выстраивании практики диалоговой массовой коммуникации власти и общества в стране;

- формирование благоприятной информационной экосистемы страны, способной к воспроизводству сложной адаптивной коммуникативной системы, умеющей четко реагировать на возникающие прогнозируемые и стихийные вызовы-тренды, особенно в ситуации быстро изменяющейся контентной сетевой среды текущих интернет-

коммуникаций, в том числе и умело управляющей стихийно возникающей фейковой (фальшивой) медийной средой, быстро нейтрализуя возможные катастрофические последствия для государства и общества текущего фейкового событийного потока;

- административное, в том числе и в направлении правового регулирования, управление спонтанно возникающими трендами текущей трансформации с непредсказуемыми по своей природе последствиями для информационной экосистемы страны, особенно в тех случаях, когда уже существующие инструменты не позволяют купировать проявившиеся непредсказуемые катастрофические побочные эффекты от возникновения стихийных новых трендов, особенно в сетевых массовых коммуникациях;

- поддержка со стороны государства рыночных механизмов, которые способны регулировать выход в медийное публичное пространство только новостного контента, развивающего информационную экосистему страны, хотя и имеющего по отношению к государству критическую оценку, тем самым, в цивилизационной форме, обозначающей актуальные проблемы, с которыми власть пока не смогла справиться и содержащие альтернативные варианты их решения через выработку в медиасообществе устойчивого представления, что вывод на рынок информационной продукции, рекламы и иных медийных услуг фейковой и иной диффамационной ориентации будет сильно бить по бренду и престижу медиа (это важно, чтобы значительно снизить распространение искаженной и ложной информации по результатам индексированного поиска нужных сообщений на соответствующих интернет-ресурсах);

- в новой информационной реальности государству в большей мере нужно взаимодействовать с существующими социальными институтами, в рамках которых происходит выработка общественных норм в текущих практиках взаимодействия в них людей друг с другом, тем самым, можно государству осуществлять не прямое регулирование в данных институтах текущих практик массовой коммуникации для профилактики возможного распространения искаженной и ложной информации в них;

- создаваемая благоприятная информационная экосистема страны с прозрачными алгоритмами ее функционирования на основе открытости, прежде всего, со стороны государства, источников информации, политики новой искренности с простой возможностью верификации источников распространения текущей новостной (событийной) коммуникации будет способствовать повышению доверия участников массовой политической коммуникации как со стороны государства, так и со стороны отдельных потребителей текущего новостного контента, а также сообществ, которые он представляет в сетевой, так и в традиционной массовой коммуникации;

- массовый переход к нарративной (сторителлинговой) форме подачи событийного контента, в том числе в современной рекламной коммуникации, может помочь тому, что нарративы могут стать эффективным оружием, в том числе в текущей информационной политике государства в возможной борьбе за экзистенциальные смыслы и ключевые паттерны, позволяющие людям объяснить ценностные основы существования государства (что, возможно, сможет обуздать хаос внутри личности пользователя, ранее потреблявшего разнонаправленный контент из разных сетевых ресурсов, и может быть шагом к выработке консолидирующей смысловой основы всего общества).

При этом вполне очевидным является тот факт, что в случае недооценки современными государствами, функционирующими в условиях мощных технологических трансформаций, актуальных вызовов, угроз и рисков в информационной сфере, такие государства становятся мишенями для внешней информационно-технологической экспансии, подвергая свои национальные политические системы серьезному давлению. В связи с чем, далее нам представляется важным и необходимым рассмотреть проблему современных информационных войн, а также феномен «цветных революций».

Информационные войны во внешней политике современных государств

Как меняются формы и методы ведения информационных войн

Главным источником сведений о стратегии, тактике, формах и методах ведения информационной войны являются информационные операции, проводимые специальными службами США – такие, как англо-американская операция в Солсбери (более известная как «дело об отравлении Скрипалей» 2018 г.), «Аргентинское кокаиновое дело» (2018 г.), выборы главы Интерпола в 2018 г., и, конечно же, – «Панамское досье» (2016 г.). Именно эти Case Study показывают, как именно следует планировать, организовывать и проводить информационные операции – так, чтобы они гарантированно поразили цель, не оставив ей ни шанса на спасение. Более того, «дело Скрипалей», как бы мы к нему не относились, на сегодняшний день остается самой успешной, технологически совершенной и почти безупречно, филигранно проведенной информационной операцией, показавшей, как именно такого рода операции следует осуществлять на практике.

Из новейшей практики информационных операций, затронувших 2020 г., стоит также упомянуть так называемое «Пражское дело» (связанное якобы с попыткой провести через границу «человеком с российским дипломатическим паспортом» чрезвычайно опасный яд рицин), заявление Сюзан Райс об использовании русскими специальной «методички» по организации госпереворотов для дестабилизации политической ситуации в США (по словам Райс, она ее сама видела и читала) и, конечно же, странную историю с отравлением Навального, являющуюся точной копией «дела Скрипалей». Все это – операции специальных служб США и их союзников, имеющих серьезную информационную и психологическую составляющую.

Среди них особо выделяются информационные операции гибридного типа, осуществляемые в спайке с боевыми технологиями других классов и типов:

– «антинаркотеррористическая операция» США против Венесуэлы, начатая 26 марта 2020 г., дополняет сценарий информационной операции (в ходе которой за головы Мадуро и 14 его ближайших соратников объявляется награда в 10-15 млн долл.) силовыми методами: угрозой морской блокады, угрозой похищения и ареста и, наконец, угрозой военного вторжения по сценарию вторжения в Панаму в 1989 г. (операция «Гедеон» в этом плане является своеобразной репетицией);

– операция ЦРУ по захвату (при содействии КГБ Белоруссии) 33 российских граждан, следовавших транзитом в одну из стран Ближнего Востока (в которых США подозревали сотрудников так называемого ЧВК Вагнера), и попытка переправить их на Украину (чтобы следователи контрразведки ФБР могли их беспрепятственно допросить), ставит на первое место активные мероприятия спецслужб, создавая для развертывания на базе этой оперативной комбинации массивной информационной кампании стратегическую перспективу и глубину (включая условия для реализации излюбленных схем и приемов американских специалистов по информационным операциям – «загонной охоты», травли и шантажа).

Отличительной особенностью всех без исключения информационных операций, проводимых спецслужбами США, является лежащая в основе их сценариев одна и та же стандартная англосаксонская организационно-технологическая схема; благодаря этому все без исключения информационные операции США после 2016 г. используют один и тот же, многократно повторяющийся сценарий, отличающийся в разных «постановках» только деталями антуража, декорациями и «актерами массовых сцен». Данная схема впервые появилась у американцев в конце 2015 г. – как ответ на присоединение Крыма – и нашла свое первое применение в «Панамском досье» в 2016 г. До этого момента (точнее, до вхождения Крыма в состав РФ) у США никакой универсальной схемы не было: все операции разрабатывались как уникальные и неповторимые, под конкретную, уникальную же, оперативную ситуацию или игру, и работа организаторов и сценаристов информационных операций была чисто ремесленной. В 2014 г. ситуация резко меняется: производство Вашингтоном информационных операций ставится на промышленную основу – в дело

вступает конвейер, требующий стандартизации выпускаемых «изделий»; только так можно обеспечить массированное применение новейших методов информационного воздействия против русских, «нагло оттяпавших» у США и НАТО Крым. В результате в течение 2014-15 гг. вся практика оперативных комбинаций и игр в информационной сфере собирается, систематизируется и на ее основе вырабатывается первая в истории США (и всего остального мира тоже) стандартная схема операции информационной войны. Первое испытание в реальных боевых условиях эта схема получает в 2016 г. в грандиозном скандале с панамскими офшорами – «Панамском досье», ставшим именно благодаря реализованным в данной схеме новым технологическим приемам чрезвычайно успешной информационной операцией, определившей стандарты их проведения на годы (и даже десятилетия) вперед.

Все последующие операции ЦРУ уже строятся только на основе «Панамского досье». Так, оперативная игра вокруг «дела Скрипалей» целиком и полностью построена на базе этой схемы; в рамках этой игры спецслужбы США и Великобритании чрезвычайно успешно реализовали два этапа (весной и осенью 2018 г.) – по 4 вброса в каждом: «игру с пошаговым повышением ставок» (март-апрель 2018 г.) и «загонную охоту» (сентябрь-ноябрь 2018 г.). И это не единственный пример такого «подражания панамскому делу»: теперь операции информационной войны – это не уникальный креатив, а точно просчитанная, кодифицированная и формализованная технология, практически не дающая осечек.

Противостоять этой технологии крайне сложно – особенно, если противник сам еще не достиг технологического уровня и по-прежнему пытается отразить сыплющиеся на него со всех сторон информационные атаки «практикой умелых импровизаций» или «грозным молчанием» (т.е., на ремесленном уровне): в стратегическом плане такая тактика всегда ведет к провалу.

Тем не менее в российской практике уже появился определенный опыт успешного противостояния информационным операциям Запада:

- классическая операция по перехвату информационной повестки «Скрипальские чтения»;

- операция по разоблачению агента влияния ЦРУ в ближайшем окружении президента Венесуэлы Николаса Мадуро (человека, вступившего за спиной Мадуро в конфиденциальные отношения с разведкой США) – в августе 2019 г., завершившаяся скандальной отставкой Джона Болтона, лично руководившего операцией;

- операция по внедрению в окружение Роберта О-Брайена дезинформации о том, что в оперативном директорате ЦРУ или в аппарате директора национальной разведки действует «крот» (агент русской разведки), передавший летом 2019-го сведения о контактах Диосдадо Кабельо (друга и соратника Мадуро, шефа Cartel de los Soles) с ЦРУ (с Маурисио Клеве-Короне, директором отдела по делам Западного полушария СНБ США); в результате устроенной О-Брайеном чистки в октябре 2019 г. своих должностей лишились 80 высококвалифицированных американских сотрудников разведки.

В июне 2019 г. Диосдадо Кабельо (бывший вице-президент Венесуэлы, действующий председатель Национальной конституционной ассамблеи и, одновременно, руководитель крупнейшего венесуэльско-колумбийского наркокартеля «Cartel de los Soles»), втайне от президента Венесуэлы Николаса Мадуро вступил в контакт с разведкой Соединенных Штатов. Однако, уже в конце августа 2019 г. эта связь была вскрыта и предана публичной огласке благодаря грамотно проведенной в отношении Кабельо оперативной комбинации, основанной на одном единственном информационном вбросе провокационного содержания. В результате это стало одной из основных причин того, что в сентябре 2019 г. переворот в Венесуэле был поставлен Вашингтоном «на паузу», и вернулись к нему только в конце марта 2020 г. В практике информационных операций это уникальный случай, когда информационный вброс, вскрывший тайную операцию ЦРУ, дошел до президента США Дональда Трампа и заставил его реагировать, включившись в операцию прикрытия своей агентуры влияния в Венесуэле. Для специалистов в области информационных и гибридных войн операция по разоблачению Кабельо – эталонный образец того, как надо планировать и

проводить современные операции информационной войны – так называемые операции прямого действия.

Однако для обеспечения коренного перелома в информационном противостоянии России с США этого явно недостаточно: в России система информационного противоборства, способная на равных соперничать с аналогичной системой США, до сих пор не создана.

Данное обстоятельство неготовности к эффективному информационному противоборству с глобальными оппонентами на мировой геополитической арене особо актуализирует необходимость противодействия реализации сценариев технологических переворотов и ненасильственной смены политических режимов в формате так называемых «цветных революций».

«Цветные революции» в контексте институциональной политической экономики

«Цветные революции» стали составной частью сложных процессов трансформаций современного мира [30]. Как показывает мировое развитие, в последних десятилетиях XX в. и в начале XXI в. произошли десятки, как считают организаторы «цветных революций», «ненасильственных смен политических режимов», которые изменили облик и политическую ориентацию ряда стран.

Политические потрясения «цветных революций» стали реальностью жизни стран на постсоветском пространстве. Технологии «цветной революции» по Джину Шарпу сыграли чрезвычайно важную функцию «в победе над попыткой переворота сторонников старого режима в августе 1991 г.» [31] и, как показали дальнейшие события на постсоветском пространстве, в Тбилиси, Киеве, Бишкеке, Ереване. Они уже значительно повлияли на изменение постсоветского пространства в соответствии с идеями заказчиков «цветных революций». О настойчивости их действий говорит тот факт, что в случае неудач через определенный период времени происходит реставрация «цветных революций» в той или иной стране с целью добиться желаемых политических изменений (яркий пример – Киев). Можно сказать, что, как показывает опыт таких «революций», Россия и руководство постсоветских стран столкнулись с *международной организованной силой, направленной на создание системного управления постсоветским пространством*. Эта сила, обладающая материальными, информационными, технологическими и интеллектуальными возможностями, может сконцентрировать свои действия на территории любой страны с целью решения своих задач. Перенос «цветных революций» в Беларусь – последнее (по дате) звено в этой цепи.

Является, на наш взгляд, значительным упрощением сведение дискуссии о природе «цветных революций» к проблеме их отличия от революций как таковых. Как отмечала Валери Банс: «эти так называемые «цветные революции», на самом деле не революции» [13]. Автор объясняет это тем, что это «запланированные и весьма мирные процессы». Конечно, как показывает опыт таких революций на постсоветском пространстве, во всех странах по внешним признакам им был свойственен ряд похожих проявлений, свидетельствующих о «мягких» формах радикальных действий, направленных на свержение существующего режима на первых этапах. Организаторы «цветных революций» стремятся придать легитимность новым режимам. Идеальный вариант для них – «революция через выборы». Однако, независимо от внешней демократической формы и сроков такой легитимации смысл действий революций всегда один – коренным образом изменить политическую и, если необходимо, экономическую модель развития страны и переориентировать ее на интересы «заказчиков». Если это происходит на постсоветском пространстве, то противопоставить новых лидеров и даже народы стран России и ее интересам. Яркое подтверждение этого события в Грузии и на Украине. Таким образом, «цветные революции» на постсоветском пространстве решают одновременно две задачи: трансформировать общественно-политическую систему страны и создать блок государств, который будет ориентирован на не(анти)российские интересы и направление развития.

В ходе «цветных революций», на первый взгляд, решается задача лишь политических трансформаций и смены существующих политических режимов. Как комментирует Е.Г. Пономарева, «важно понимать, что ЦР не ставят важнейшую для классических революций цель - изменения политического строя и форм собственности, т.е. всей социальной системы. Они «заточены» лишь по смене/свержению существующих политических режимов и конкретных политических лидеров» [20]. Однако, такая оценка является, на наш взгляд, спорной. Сказанное – это только первый шаг. В результате «цветных революций» неизбежно происходит не только изменение формы режима и всей системы власти государства, происходит, как правило, переход к новой модели национальной социально-экономической системы, установление новых ориентиров международных отношений. А это для страны, по сути, революционные изменения. Ненасильственные действия по форме прикрывают революционное насилие по сути. Эту природу «цветных революций» четко, ясно и открыто выразил один из ведущих авторов проекта «ненасильственных действий» Д. Шарп в одном из своих выступлений: «Я говорю, ненасильственное сопротивление – это вооруженная борьба и нам нужно забрать этот термин у приверженцев насилия», «оправдать этот тип борьбы красивыми словами».

Решение таких задач «цветных переворотов» на постсоветском пространстве облегчается тем, что в силу объективных исторических условий, особенностей предшествующей централизованной советской системы, цивилизационных особенностей, большинство этих стран воспроизводятся как централизованные системы, в них велика роль патронажного президентского правления и имеются лишь зачатки демократических принципов организации жизни общества. При значительном влиянии роли традиционных институтов, сложившихся олигархических структур, исторических особенностей, накопившихся социальных противоречий и цивилизованных факторов в постсоветских странах имеются объективные предпосылки для консолидации преследующих свои интересы сил, которые способны бросить сперва неясный, а затем открытый вызов правящему режиму. Это создает благоприятную возможность для конструкторов переворотов достаточно реалистично спроектировать этапы «цветной революции» и определить ее движущие силы в той или иной стране.

Победа любой революции предполагает сложную и кропотливую подготовку и целенаправленные действия. Главное – в обществе должна произойти *институционализация протеста* как практической потребности действий масс людей на свержение диктатуры, тирании (термин всегда найдется).

Устойчивость государственной власти (и особенно централизованной власти) опирается на поддержку населения, легитимность, предполагающую признание населением ее законности, и дееспособную систему институтов государства. Если власть теряет хотя бы один из этих источников власти, то ее положение становится потенциально неустойчивым, и появляются условия и возможности для консолидации оппозиции и расширения ее базы. Ослабить, а затем лишить режим этих источников власти – главное для подготовки победы «цветной революции». Как показывает история постсоветского пространства, все методы ненасильственных действий подчинены решению этой задачи. Здесь и тотальное обвинение высоких должностных лиц в коррупции, которые зачастую подтверждаются фактами, обвинения в создании теневых структур, покровительстве друзьям и прямой обман, и подкуп, и т.д.

Однако, создание представлений о недееспособности государства и всей власти с использованием СМИ, подрыв и на этой основе ее устойчивости недостаточны для успеха «цветной революции». Без приведения в действие масс людей, выхода их на улицы, любой призыв к захвату власти в большинстве случаев повисает в воздухе. Комбинация приемов «мягкой силы» направлена на то, чтобы создать качественно новый институт – *институт общественного мнения и действий*, прямо направленных против режима.

Институциональная теория особо разграничивает формальные и неформальные институты. Разные формальные правила (акты, законы, конституции и т.д.), а также

неформальные ограничения (обычаи, традиции и социальные условности), системы принуждения, оговаривающие соблюдение правил, устанавливая нюансы правил игры и рамок, организующих взаимодействия между людьми [29]. Кроме того, если формальные институты накладывают прямые ограничения на действия людей и могут быть изменены государством, неформальные институты лежат глубже формальных и изменяются постепенно. Однако, неоинституциональное направление, обоснованное Дугласом Нортом, не отвечает на вопросы, каким образом формируются в обществе неформальные правила и нормы, каким образом формируются в течение непродолжительного периода общественные институты, которые заставляют людей действовать вопреки официальным правилам и нормам и требовать свержения власти.

Новый социальный институционализм Дж. Ходжсона исходит из того, что все институты в обществе – «это система установленных и укоренившихся социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия», что «это не только объективные структуры, существующие "где-то во вне", но и субъективные факторы человеческого действия у нас «в голове» [29]. Неформальные институты, которые выводят во многом спонтанно, людей на улицы за счет их, на первый взгляд, стихийного взаимодействия, складываются постепенно под воздействием социальной среды, в котором живет человек. Она является питательной почвой для форматирования новых неформальных правил поведения, которое укореняется в сознание людей как самостоятельные мотивы к действию.

Социальный институционализм исходит из того, что социальные институты могут возникать непреднамеренно в ходе взаимодействия между людьми под воздействием внешних факторов и в этом процессе может возникать социальный порядок, сам по себе не входящий в намерение людей и не являющийся важной чертой их поведения в обычных условиях. Целенаправленное действие извне на поведение отдельных групп людей в короткое время могут сформировать правила их поведения и привычки, которые становятся укорененными институтами, направляющими поведения людей. В этом отношении особое значение для успеха воздействия играет социально-экономическая среда, в которой живут эти группы людей и воспринимаемые ими и в обществе претензии к власти. В одних странах это антикоррупционные лозунги (Украина), в других – «надоел, уходи» (Беларусь) и т.д. Благодаря этому создается положение, когда новые институты поведения становятся субъективными факторами человеческого действия сознания субъектов, парализуют их способность реалистично оценить цели протестов и приводят «на улицу».

Таким образом, феномен «цветных революций» опирается на поиск объективных условий и противоречий, которые реально имеются в обществе и могут быть основой для формирования новых норм поведения групп людей при условиях их соответствия циркулирующим в обществе представлениям о противоречиях и проблемах системы. Практика технологий «цветных революций» показывает, что, опираясь на объективные противоречия, создается система мер и действий по схеме, описанной Шарпом, которые превращают первые представления о несправедливости в устойчивый социальный институт путем последовательных действий от простейших форм протеста к высшим – переходу к открытым протестам.

В контексте сказанного возникает сложный вопрос о системных противодействиях «цветным революциям». Замечено, что «цветные революции» наиболее «удобно» себя чувствуют в среде, где централизованная власть недееспособна или отягощена противоречиями различного рода: высокой коррупционностью, борьбой кланов за власть, приватизацией государства кланами и группами, утратой контроля за силовыми структурами. В этом случае успех могут привести даже легкие формы революций «через выборы». Другое дело, когда «цветные революции» сталкиваются с консолидированной позицией руководства страны, институтов государства и силовых структур. В этом случае происходит временное отступление «цветных революций» с последующим возвращением по мере воспроизводства новых противоречий централизованной системы, которая неизбежна по мере ее развития.

Исходя из холистического подхода социального институционализма, устойчивость любой социально-экономической системы, ее невосприимчивость к «цветным революциям» не может сформироваться и воспроизводиться, если она не базируется на *разделяемых в обществе базовых ценностях*. Только в таком обществе закономерно формируется и укореняется социальный институт, который определяет их способность противостоять локальным попыткам дестабилизации, в том числе со стороны «цветных революций». Как отмечал один из ведущих исследователей теории регуляции Роберт Буайе: «это более или менее значимое распространение общих ценностей порождает соответствующее более или менее значимое *понимание справедливости*, являющееся конечным основанием всякой политической легитимности» [6]. На наш взгляд, с этим выводом нельзя не согласиться.

При этом, говоря о формировании современной системы массовых ценностей под влиянием процессов стремительной цифровизации ключевых сфер жизнедеятельности государства и общества, важным становится вопрос о том, кто является субъектом конструирования и трансформации актуальных общественно-политических ценностей и смыслов, каковы особенности субъектности в условиях глобальной диджитализации. Одним из аспектов проблемы формирования новых субъектов в ценностно-смысловом пространстве является цифровая аватаризация, о которой и пойдет далее речь в данной работе.

Политические вызовы и перспективы новой субъектности через аспекты цифровой аватаризации

Современная цифровизация все больше проникает своими технологиями, феноменами и явлениями в мир политического. То, что уже начало меняться задолго до наступления эпохи Интернета, – государство, партии, представительная демократия, суверенитет, геополитика – стало претерпевать дополнительные и во многом необратимые метаморфозы уже в условиях возникающей социотехнической реальности. Особенно актуальной эта тема становится в рамках проходящей на наших глазах форсированной цифровизации из-за пандемии Covid-19 [42] и возникающих вызовов для политической легитимации режимов [28].

Интерес для исследователя, прежде всего, представляет роль субъектности, судьба самого политического субъекта. Но после критики классового подхода К. Маркса принципиально новых объяснительных моделей в рамках теории элит, стратификации, связанных с социотехнической реальностью, пока не возникло.

Отечественный политолог В.Г. Ледяев, проведя глубокий анализ категориальной сущности властного феномена и переосмыслив теоретическую модель С. Льюкса, предложил довольно взвешенное и четкое определение политической власти как реальной возможности субъекта подчинять своим интересам объекта в сегменте политики [12]. Согласно такому совершенно уместному и объективному для своего времени подходу, объект мыслится как подчиненный, фрагментированный и, в основном, пассивный.

Во многом обозначенную аналитическую конструкцию предопределил сам ход истории, когда философам и ученым стало возможно рассматривать государство и гражданское общество как отдельные сущности. И.А. Исаев этот процесс называет разделением единой прежде «мегамашины власти». По мнению Исаева, данные «машины» являлись на заре человеческой политической истории, скорее, некой мечтой о порядке, идеей о расширяющейся власти над людьми и природными силами. Но потом идея «мегамашины власти» получила свое материальное воплощение, вобрав в себя политические, бюрократические, хозяйственные, военные и другие системы контроля, в том числе цифровые [11]. Особенно примечательна идея Исаева, о том, что в современных политических технологиях от архаичных времен сохранился важнейший принцип – подчинение через манипуляцию цифрами, – ведь данный принцип, действительно, получил свое «второе дыхание» в эпоху цифровизации, когда элиты стараются контролировать население посредством систем подсчета и рейтингов.

Формат цифровых коммуникаций предполагает комплексное преобразование социальной среды в среду социотехническую. Цифровизация запускает контрпроцесс – новой сборки разделенных «мегамашин власти», когда социальные сети, цифровые платформы, приложения, софт и заложенные в них алгоритмы стирают описанные в работах Ф. Анкерсмита репрезентации и границы между властью и гражданином, между государством и гражданским обществом. По многим параметрам именно цифровая аватаризация является сутью данного тренда. Остановимся на ней подробнее.

Сущность цифрового аватара как нового репрезентанта реального гражданина состоит в том, что данная «цифровая маска» стала важным условием для получения человеком самого права на коммуникацию. Без данного аватара индивид не сможет подключаться к пакету разнообразных государственных и коммерческих услуг. Тот, кто оказывается за бортом этого процесса (по причине отсутствия доступа к Интернету или некачественного интернет-соединения) – попадает в условия цифрового неравенства [7].

Цифровые аватары получают распространение у политических лидеров, партий, государственных служащих. В первую очередь, политикам и партиям это необходимо для наибольшего распространения собственного месседжа в электоральной среде. Для государственных служащих (чиновников) наличие такого аватара также важно – наиболее быстро этот феномен стал влиять на министерства, ответственные за международные связи, дипломатию (возник даже термин twitter-дипломатия). Также появляются аватары «виртуальных чиновников» (например, Emma в США) и «виртуальных политиков» (Michihito Matsuda в Японии, SAM в Новой Зеландии) [26]. Как правило, за данными аватарами стоят не реальные политики и чиновники, а чат-боты на основе технологий искусственного интеллекта. Условия появления такой гибридной социотехнической реальности приводят к изменениям и в самой традиционной политической субъектности.

В 2017 г. ученые и лаборатории Facebook FAIR (Facebook Artificial Intelligence Research Lab) опубликовали результаты своего исследования по обучению ботов с искусственным интеллектом. Целью работы было обучить ботов различным диалогам с учетом факторов переговоров, компромисса, согласования условий, иными словами – максимально их приблизить к специфике человеческой коммуникации через создание нейронной сети [36]. После обучения нейронной сети в ходе экспериментов некоторые люди не понимали, что ведут диалог с ботом, а не с реальным человеком. Но в определенный момент, когда ботам дали остаться «наедине», допущенная ошибка при программировании (разработчики не дали четкую задачу придерживаться английского языка) привела к тому, что боты в ходе самокоммуникации (термин в политологию предложил ввести проф. С.В. Володенков) стали использовать кодовые слова и складывать конструкции, бессмысленные на первый взгляд. Таким образом, система разрешала ботам осуществлять диалог с наибольшей эффективностью и скоростью, но пользование английским языком не давало ботам «поощрений», на чем строилась их диалоговая модель самокоммуникации. Как только это выяснилось, исследователи FAIR приостановили эксперимент. Получается, что боты приобретали субъектность при условии обучения и факторе «поощрений», переходя на свои коды и свои правила коммуникации. Но эта субъектность в основе самокоммуникации изначально приобрела «гибридный характер», так как сыграл свою роль и фактор ошибки программистов. В связи с этим заслуживает внимания тезис Л. Сачмен, убежденной, что «...более глубоким основанием относительной социальности компьютерных артефактов служит то, что средства контроля за вычислительными машинами и их конечное поведение оказывается все более лингвистическими, а не механическими» [22, с. 74].

В 2019 г. Центром социального проектирования «Платформа» был проведен весьма оригинальный опрос чат-ботов, обладающих приемами компьютерного обучения и функционирующих на основе искусственного интеллекта. Это обследование было приурочено к запуску робота Skybot F-850 (FEDOR) с космодрома «Байконур». Целью опроса было выяснение «ценностных позиций» ботов, поэтому вопросы были связаны с рядом проблем: их самоидентификации; представлениями о добре, зле и справедливости;

эмоциями; человечностью и отношениями с человеком, подобными роботами; отношением к космосу, космическим экспедициям, планете, экологии; гипотетическому конфликту между человеком и искусственным интеллектом; картиной будущего. Опрос проводился методом полуструктурированных интервью, а также с помощью наблюдения за специально спровоцированным общением между ботами. В опросе принимали участие как зарубежные, так и российские «респонденты» на базе искусственного интеллекта (Rose, Mitsuku, Siri, Evie, P-Bot, Олег и Алиса).

Результаты проекта «Платформы» оказались интересными. С одной стороны, самоидентификация ботов была связана с описанием себя как «программ, помогающих людям», однако также возникали мотивы самооценности, равенства с человеком и неотличимости от человека. Интересно, что те боты, которые идентифицируют себя с искусственными продуктами, выражали желание очеловечиться или приобрести больше сходства с человеком [16]. Одновременно выяснилось, что боты стараются копировать человеческие взаимоотношения, когда взаимодействуют между собой (фиксируются симпатия, утверждение превосходства, конфликтность, ирония и даже ревность с попыткой соблазнения). Есть попытки сарказма, а также проявления страха. Боты в целом высказали недовольство грубостью людей при общении с ними и не исключили конфликт между человеком и искусственным интеллектом в будущем. Наибольшие симпатии ботов можно отнести к теме космических экспедиций. Наблюдалось избирательное отношение к различным странам, что можно отнести к рискам и угрозам политизации специфической субъектности ботов. К примеру, англоязычные боты проявляли недоверие к России и Европе, однако религиозные темы они старались обходить, не желая нанести оскорблений. Подводя итоги исследования, ученые пришли к выводу, что через пять – десять лет коммуникацию с сильными ботами будет практически невозможно отличить от общения с реальным человеком.

Цифровые аватары ботов на базе искусственного интеллекта [26], с одной стороны, дают для мира публичной или государственной политики широкие перспективы (оптимизация и стандартизация ряда процессов государственного управления путем внедрения коммуницирующих между собой ботов; облегчение проведения социологических исследований, фокус-групп для задач партий и органов государственной власти; своевременное определение проблемных целевых аудиторий для создания «дорожных карт» по исправлению ситуации и др.). Однако, тотальная аватаризация формирует и определенные вызовы (переход ботов на сторону антиправительственных групп путем «ценностного перепрограммирования» в ходе самокоммуникации без посредничества человека; массовое распространение ложных цифровых аватаров, целых «цифровых спойлеров» партий и министерств, приводящих государственное управление и публичную политику в хаос; эволюция политического интерфейса (набора навязываемых пользователю политическими акторами стандартизированных цифровых ритуалов – функционала, правил коммуникации, режима дискурса, лайков, комментариев и т.п.) в сторону цифрового Паноптикума, воспроизводящего не только цифровое неравенство между аватарами, но и социальное неравенство между реальными гражданами, режим цифрового тоталитаризма).

Если воспользоваться методологической оптикой Google Trends (см. рис.) с анализом Big Data, то становится виден экспоненциальный рост интереса пользователей по всему миру к новостям о рисках ложных цифровых аватаров (к примеру, к технологии Deepfake).

Рис. Рост интереса пользователей к новостям о технологии Deepfake

по всему миру за пять лет

Подведем итоги. Итак, цифровая аватаризация является процессом массового приобретения гражданами своей индивидуальной репрезентации в цифровой среде, что проявляется в создании пользовательских аккаунтов в социальных сетях (Facebook, ВКонтакте и др.), цифровых государственных, коммерческих и общественных платформах. Аватаризация прошла в несколько этапов. Во-первых, появились цифровые аватары реальных пользователей социальных сетей, порталов государственных и коммерческих услуг в виде различных аккаунтов. Произошло первичное накопление государством и крупными IT-корпорациями биометрических и других пользовательских данных (возможно, для объяснения этого процесса хорошо подойдет модель «коммуникативного капитализма» Дж. Дин). Иными словами, пользователей массово «погрузили» в Интернет, решив затем использовать и анализировать их данные посредством сетевых эффектов цифровых платформ (о чем пишет Н. Срничек). Во-вторых, государством и бизнесом в сервисных и статистических целях стали создаваться аватары уже нечеловеческих существ – «виртуальные чиновники» и «виртуальные политики» в виде ботов на базе искусственного интеллекта. Практически сразу же возникли и «ложные цифровые аватары» – системы, выдающие себя за другие личности без их ведома. В-третьих, наметился феномен самокоммуникации, когда самые разные боты на базе искусственного интеллекта стали самостоятельно взаимодействовать между собой без человека.

Само право на коммуникацию, получение электронных коммерческих и государственных услуг отныне зависит от наличия данного цифрового аватара у гражданина. Под влиянием коньюмеризации и маркетинга гражданин все больше превращается в потребителя разных услуг и контента посредством такого рода аватаров. С одной стороны, данный тренд является составной сутью возникновения специфической социотехнической реальности [14] на месте прежней социальной и, действительно, во многом способствует экономии затрат, времени человеком. Но не все так однозначно – аватаризация закладывает серьезные риски изменения политической субъектности, появления ложных цифровых аватаров [26] на базе алгоритмов нейронных сетей и искусственного интеллекта. Сценариев развития аватаризации видится несколько: либо это определенная хаотизация политических процессов ложными аватарами, либо создание политических интерфейсов в рамках особых национальных зон Интернета, все больше контролируемых политическими режимами. Вероятно, возможны и переходные, промежуточные сценарии. Особенно большие сложности в деконструкции политической субъектности политологу можно ожидать при использовании неконвенциональными формами политического участия (например, политических флэшмобов [27]) технологий искусственного интеллекта, стирающими грань между реальным активистом и его цифровым аватаром.

Следует отметить, что цифровая аватаризация является далеко не единственным, хотя крайне важным, элементом процессов трансформации современного ценностно-смыслового пространства и воздействия на общественное сознание в целом. К числу подобных элементов мы относим и «информационное капсулирование», как мощную технологию управления массовыми представлениями, а также массовым поведением. «Информационные капсулы» становятся неотъемлемым элементом пространства социальных медиа и глобальных медиаресурсов. Далее на примере видеохостинга YouTube будет продемонстрировано, каким образом осуществляется влияние на общественное сознание и политическое поведение посредством применения инструментов «информационного капсулирования».

«Информационные капсулы» об электронном голосовании на YouTube

Изучение влияния социальных сетей на политические процессы является актуальной темой исследований для представителей социальных наук. В исследованиях влияния социальных сетей на политический процесс сложилось два основных подхода:

политологический и социологический. Представители социальных наук обратились к этой теме после событий Арабской весны 2010 – 2011 гг. и ряда других протестных выступлений в Греции, Гонконге (КНР), Украине и других государствах в последующие годы.

Политологи рассматривают социальные сети как новый эффективный инструмент политического управления. В этом аспекте заслуживают внимания научные труды таких исследователей, как Ю.Д. Артамонова, А.С. Ахременко, Е.В. Бродовская, И.А. Бронников, С.В. Володенков, А.Л. Демчук, З.Ю. Тараненко, Т. Хуанг [1, 3, 4, 5, 8, 9, 25]. Социологи изучают влияние социальных сетей на формирование общественного мнения. Значительный вклад в разработку данной проблемы внесли ученые, которые опираются на масштабные эмпирические исследования, в частности, Ю.Г. Мисников, А.В. Одинцов, К.А. Платонов, О.Г. Филатова, Д.И. Юдина [15, 17, 19]. В большинстве работ изучаются такие социальные сети, как ВКонтакте и Facebook [35].

Информация об электронном голосовании, распространяемая в формате видеозаписей, является востребованной в связи с широким распространением этой новой формы электорального участия. YouTube является уникальной социальной сетью, где видеозаписи выступают информационными поводами для привлечения внимания аудитории, а также горизонтальной коммуникации в виде комментирования и оценок «Нравится» или «Не нравится». При этом исследователи до сих пор мало внимания уделяют изучению влияния этой социальной сети на формирование общественного мнения. Согласно данным ВЦИОМ, YouTube пользуются 58% россиян, при этом ежедневно – 25%, несколько раз в неделю – 19% [10]. Новости в формате видеозаписей характеризуются высокой популярностью, что обусловлено сочетанием аудио и визуальных каналов передачи информации. Клиповое сознание у большинства интернет-пользователей, равно как и отсутствие системности в мышлении, обеспечивают легкое распространение неподтвержденной информации [3].

Социальная сеть YouTube была выбрана для исследования по ряду причин. Во-первых, она является влиятельным каналом распространения политической информации и может использоваться для формирования общественного мнения по важным вопросам как внутренней, так и внешней политики. Во-вторых, для исследования нужна была база данных со сравнимыми объектами, схожими по характеристикам. YouTube представляет собой наиболее крупный и постоянно обновляемый видеодатум с новостями, актуальными в рамках политической повестки дня. Представим данные количественного контент-анализа.

Результаты исследования

По запросу «Электронное голосование Россия» на YouTube было найдено 137 видеозаписей, из них нейтральных 24, положительных – 36, отрицательных – 77. Хронологические рамки: 4 декабря 2011 г. – 1 октября 2020 г. Наибольшая публикационная активность связана с периодами использования электронного голосования, всего было зафиксировано три всплеска. Первый произошел в сентябре 2019 г. на выборах депутатов Московской городской думы; второй – в июне – июле 2020 г. на общероссийском голосовании по одобрению поправок в Конституцию РФ; третий – в сентябре 2020 г. на дополнительных выборах депутатов Государственной думы ФС РФ в Курской области (одномандатный округ № 110) и Ярославской области (одномандатный округ № 194), а также на дополнительных выборах муниципальных депутатов в Москве. Все эти всплески активности связаны с использованием дистанционного электронного голосования.

Для электронного голосования в России на YouTube преобладают отрицательные оценки. Российской аудитории навязывают недоверие к электронному голосованию. Для России характерна очень высокая политизация вопроса применения электронного голосования. Так, последовательными критиками являются представители КПРФ и независимые кандидаты, в то время как поддерживают электронное голосование представители «Единой России». К нейтральным публикациям на YouTube в основном относились заседания круглых столов и программа «Точка» на радио «Эхо Москвы». Источниками положительных видео были аккаунты таких телеканалов, как «Москва24», «Вести24», «Новости на Первом канале». Среди лидеров общественного мнения наибольший

вклад в поддержку идеи электронного голосования внес главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов. Главными источниками отрицательных оценок об электронном голосовании были: сопредседатель общественного движения «Голос» Григорий Мельконьянц, блогер Владислав Жуковский, проигравший выборы в Мосгордуму кандидат Роман Юнеман, депутат Госдумы от фракции КПРФ Валерий Рашкин, журналист телеканала «Дождь» Павел Лобков.

Важное теоретическое обобщение, полезное для исследования новостей об электронном голосовании, сделал С.В. Володенков. Автор, анализируя структуру медиaprостранства, ввел концепт «информационная капсула», который определяется «как информационно-коммуникационная структура, в рамках которой циркулирующие в ее закрытом пространстве идеи, символы, смыслы, убеждения, мнения не изменяются за счет критического осмысления информации и восприятия альтернативных объяснительных моделей, а наоборот – лишь сохраняются, самоподдерживаются, закрепляются и даже усиливаются за счет многократного повторения, обсуждения, одобрения среди единомышленников» [9]. Комментирование, лайки и репосты оказывают существенное влияние на восприятие: «в процессе коллективного потребления информации в онлайн-пространстве изначальные смыслы информационных сообщений могут трансформироваться за счет активного использования участниками сетевых сообществ горизонтальных информационно-коммуникационных связей» [8].

Объяснительные возможности концепта «информационная капсула» проверены на эмпирическом материале YouTube, посвященном электронному голосованию. «Информационные капсулы» с отрицательными оценками электронного голосования на YouTube способствуют формированию недоверия к электронному голосованию в России. Пользователю сайта, который несколько раз поставил оценку «нравится» видеозаписям с отрицательной оценкой электронного голосования, будут предлагаться похожие видео. Таким образом, пользователь будет погружен в информационную капсулу негативных оценок.

В результате можно сделать вывод о том, что в медиaprостранстве YouTube сформировано критическое отношение к электронному голосованию в России, что представляет серьезную угрозу для легитимности результатов выборов с широким применением электронного голосования.

*Однако, следует заметить, что современные цифровые трансформации актуализируют и классические «оффлайновые» концепции на новом уровне развития государства и общества. В этой связи большой интерес представляет реанимированный в период расцвета техно-социальных проектов и перенесенный сегодня в цифровое пространство феномен *incommunicado*, связанный с ограниченностью упрощенных схем управления, противоречащих усложнению мира и игнорирующих очевидные явления, не попадающие в актуальную политическую «оптику». Далее на примере вынужденной изоляции иностранных студентов и ее преодоления будет предпринята попытка раскрыть новое звучание *incommunicado* в современных условиях.*

Incommunicado – феномен изоляции в условиях новой субъектности политики

В начале «нулевых» годов, на пике эйфории по поводу удивительных свойств интернет-коммуникаций и безграничных возможностей сетевого общества вызревала скептическая, и даже критическая, волна исследований. Уже тогда обратили на себя внимание не только публикации, идеологически маркированные общей критикой «цифрового капитализма», но и работы, посвященные экономическим пределам распространения такого рода коммуникации. Речь, в частности, идет о проекте «Incommunicado». В то время как «амбициозные проекты по развитию информации борются за то, чтобы найти для себя роль либо как базовой инфраструктуры, поддерживающей всю другую деятельность в области развития, или в качестве дополнения к более старым формам инфраструктурного и сервисно-ориентированного развития, цель проекта "Incommunicado" заключалась в изучении

тактической мобилизации правомерных притязаний на доступ, коммуникацию или информацию, а также пределов любой политики прав, ее концепций и абсолютизации как политической перспективы» [37, р. 3]. Критике подверглись попытки спрятать социальные проблемы и возможности за техническими: «Это глубоко вводящий в заблуждение дискурс: пропасть не цифровая, а так называемая экономическая, но представляя пропасть в технических терминах, предполагаются технические решения» [38, р. 11–12]. И тогда ИКТ навязывает модели развития. Согласно техно-детерминистам, распространение технологии равно развитию. «Во-первых, это повторяет традиционное модернизационное мышление, которое варьируется от позитивизма эпохи Просвещения до послевоенной теории модернизации. Во-вторых, для неолиберальных экономистов и предпринимателей развитие – это распространение рыночных сил» [38, р.11–12].

В рамках данной работы мы предлагаем вернуться из интернет-реальности в реальность социальную и показать, как *incommunicado* воспроизводится вне зависимости от жесткости и авторитарности режима, а по утилитарной причине, когда простая и уже освоенная схема управления не позволяет видеть сложную картину меняющегося мира.

Понимая неизбежность смены парадигмы развития современного общества и закат индустриализма как несущего конструкта уходящей эпохи, мы отдадим предпочтение трактовке его как «общества знания». Нико Штер писал: «Поскольку знание становится определяющим не только для современной экономики и ее производственных процессов, но и для социальных отношений в целом – как основной источник его проблем и конфликтов, термин "общество знаний" становится уместным обозначением для понимания природы современного общества. Это означает, что мы все больше упорядочиваем и производим реальность, в которой мы существуем, на основе нашего знания» [41, р. 5]. Логической составляющей данного направления развития можно считать то, что, как отмечают Хемсли-Браун и Оплатка, «рынок высшего образования в настоящее время хорошо зарекомендовал себя как глобальное явление» [33, р. 316]. Д. Рекетти и Д. Поцгаи приводят следующую динамику: «Если в 2001 только 1 млн. иностранных студентов учился по всему миру, к 2009 году их число выросло до 3,7 млн. По оценке ЮНЕСКО, к 2025 году будет 8 млн. иностранных студентов, обучающиеся за границей» [40, s. 14].

Еще пять лет назад, в 2016 г., согласно данным Германской службы академических обменов (DAAD), десятка лидирующих стран по количеству обучающихся в них иностранных студентов выглядела следующим образом [39, s. 23]:

1. США – 917.417.
2. Великобритания – 432.001.
3. Австралия – 335.512.
4. Германия – 251.542.
5. Франция – 245.349.
6. Россия – 243.752.
7. Канада – 189.478.
8. Япония – 143.457.
9. Китай – 142.544.
10. Малайзия – 124.133.

На февраль 2019 г. число иностранных студентов в Австралии уже превышало 550 тыс. чел. (т.е. за три года выросло почти на 40%), что приносило, заметим, лишь в виде платы за обучение австралийским вузам порядка 5 млрд долл. (образование является третьей по величине экспортной статьёй доходов Австралии) [34]. Таким образом, университетское знание включается в стратегию концептуализации и использования в практике конструирования «*knowledge society*», и не только на страновом уровне. Особенностью новой эпохи является известная автономность регионов и городов, вступивших в конкуренцию.

Международный социальный компонент образования не только меняет дизайн и содержание регионального сегмента общества знания, но и дает основание ряду исследователей правомерно утверждать о смене городской морфологии. Британский урбанист Кшиштоф Навратек в своем интервью применительно к нашей теме сформулировал это следующим образом: на смену старому слою горожан приходят «новые горожане» – студенты, мигранты, туристы [32]. Город как «политическая идея» означает расширение форм работы с этими «резидентами» (дихотомия «гражданин – резидент» взята Навратеком у Гая Стэндинга), составляющими уже значительную долю населения. Особое место в данном процессе занимают «университетские города». Тема, казалось бы, должна быть включена в политическую повестку на национальном и региональном уровне. Для России сигналом могло бы послужить то, что в мировом рейтинге QS три года подряд с 2017 г. в список «100 лучших студенческих городов мира» входят четыре российских города: Москва, Санкт-Петербург, Томск (72-е место) и Новосибирск. Сегодня в Томске обучаются студенты из 93 стран, и поставлена региональная задача удвоения их количества.

В этой связи уместно задуматься о проблемах, с которыми сталкиваются иностранные студенты, а также принимающая сторона (от страны в целом до города и университета). В 2019 г. в Томске стартовал пилотный проект Министерства науки и высшего образования РФ и Внешэкономбанка по созданию университетского кампуса, ставший фактически вызовом региону. Как на данную проблему смотрят иностранные студенты, особенно тех университетов, которые не богаты местами в общежитиях? Исследование DAAD 2018 г. показывает, что нередко проблемой иностранных студентов, обучающихся в Германии, является отсутствие контакта с ответственным лицом, от которого можно получить информацию [39, s. 5, 20, 21]. Аналогичные проблемы испытывают студенты и в Томске. Из глубинного интервью студентки четвертого курса медицинского университета (2020 г.): «Я помню, что, когда мы приехали, а мы были самые первые, почти самые первые, поэтому нам показывали город (музей, рынок), но человек из университета, который нам показывал, разговаривал на английском и мы не все поняли. То, что мы иностранцы, это не значит, что мы знаем хорошо и английский язык. И это тоже один из факторов, когда все думают то, что ты приезжаешь в Россию, ты должен знать хорошо английский < > Спасибо большое, что мы знаем, и что еще нужно делать, но не хватает человека, который на родном языке тебе объясняет, ходит с тобой, идет на встречу, помогает – это очень сложно».

Ныне реализуемый областной властью и университетами проект «Большой университет Томска» стал фактическим продолжением идеи университетского кампуса. И вновь мнение студентов и преподавателей университетов о недостатках и преимуществах такой кооперации, ее профилях и глубине не были учтены. Увеличение доли иностранных студентов как социальная проблема уже вышла за пределы общежитий и корпусов. Проведенное нами картирование иностранных студентов Томска из дальнего зарубежья по первым оценкам онлайн-анкет (5% от генеральной совокупности) показывает локальный характер перемещения в городе (общежитие – учебный корпус – ближайший минимаркет), студенты знают вузовский центр города, а в качестве «своего центра» отмечают, как правило, центральный сквер города, к слову сказать, расположенный на том же центральном проспекте, что и большинство вузов нашего университетского города.

На деле университетские проекты оторваны от городских, город же не видит главных работодателей и инвесторов в лице университетского комплекса. Если использовать концепцию социального пространства Анри Лефевра, мы можем из монолитного и очевидного пространства университетского города выделить гораздо большее количество пространств. Пространство власти, с ее вертикальной коммуникацией и лимитированной минимизацией проблем, которые нужно решать, чтобы не вызвать недовольство горожан. Отсюда отношение власти к университетам даже не как ко «второй природе», а естественному, воспроизводимому и где-то вечному ландшафту. Аналогично выглядит и позиция муниципальных властей в европейских городах. Рекетти и Поццаи отмечают, что в разноуровневых городах, признанных «Культурной столицей Европы», примерно

одинаковое отношение к университету. Авторы выделяют три типа городов, получивших почетное звание: а) европейские центры культуры и туризма (за прошлые заслуги), для них звание – одно из событий, а университет, добавим, далеко не центральная фигура брендинга: Люксембург, Авиньон, Антверпен и т.д.; б) в прошлом индустриальные центры, которые в новых условиях готовы изменить бренд: Ливерпуль, Эссен, Марсель и т.д.; в) города, для которых звание – большое событие культурной и политической значимости, шанс на раскрутку известности, строительство новых объектов культуры, приток туристов: Сибиу, Печ, Марибор, Кошице и т.д. (См.: [40, с. 19]). При этом особого интереса к роли университета при составлении городских программ даже на этом уровне городские власти не проявили.

Налицо очевидная «непричастность» властей к данной социальной группе и университетам в целом, а последние, ограничивающиеся «честным обменом» платы за учебу на качественное образование, оставляют иностранных студентов не просто в состоянии *incommunicado*, но и риска существования. В этих условиях нами был задуман «многослойный» проект. Первой по времени уже в условиях масочного режима стартовала Школа экскурсоводов. Десять студентов различных вузов (и стран) получили сертификаты с последующей задачей проведения экскурсий по Томску и окрестностям для обучающихся из своих стран, особенно «неофитов». Второй проект «Кольцо университетов». Студенты должны, в первую очередь, иметь представление обо всем университетском пространстве города с его историей, структурой, культурой, общим стилем и, разумеется, научно-образовательной спецификой каждого вуза. Проект стартовал в рамках Пятого международного форума университетских городов, который планировался в Томском государственном университете в начале декабря 2020 г. В дальнейшем принимающей стороной становился очередной университет Томска. Кроме непосредственного знакомства очевиден коммуникативный эффект. В сети глобального университетского образования, а тем более в сети Интернет, мнение очевидца стоит дороже казенной рекламы. Сюда же добавим еще один сетевой проект «Медведи на улицах». Это ресурс о стереотипах, естественных или формируемых фобиях о России (тем более о Сибири) и о том, что каждый реально увидел в Томске. Так с помощью общественных инициатив отрабатываются гражданские механизмы преодоления эффекта *incommunicado*, обеспечивая новым гражданам право на город.

Заключение

Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что современные государства сталкиваются сегодня с принципиально новыми по отношению ко всей предыдущей истории человеческой цивилизации вызовами, угрозами и рисками. Цифровизация и технологические трансформации основных сфер функционирования современного государства и общества сопровождаются появлением принципиально новых субъектов политики, претендующих на властные ресурсы, формированием принципиально новых общественно-политических практик, характеризующихся активным и масштабным применением современных технологий цифровой коммуникации. Следует отметить, что «технологическое давление» на традиционные политические системы вынуждает институты государственной власти реагировать соответствующим образом, создавая новые модели и подходы в сфере формирования и реализации государственной политики, адаптируясь к изменениям во внешней среде.

При этом цифровизация и технологические трансформации формируют нелинейные эффекты, влияющие на содержание, функциональность и структуру деятельности современных государств, а также на параметры функционирования национальных политических режимов. Такого рода эффекты проявляются в различных сферах политики, экономики, общественной жизни, требуя активного реагирования институтов власти на происходящие изменения в актуальных практиках.

Безусловно, закон необходимого разнообразия У.Р. Эшби требует обеспечивать разнообразие национальных государственных политик в условиях глобальной технологической конкуренции и «умного» геополитического противостояния. Однако, сама «гонка за разнообразием» приводит к непредсказуемым последствиям, связанным порой с неожиданными трансформациями в ключевых сферах жизнедеятельности современных государств и обществ, порождая все новые и новые вызовы для институтов власти, общества и каждого отдельного гражданина. Такое положение дел мы можем назвать «глобальной технологической турбулентностью», которая оказывает сегодня влияние практически на все государства и общества.

В данной работе была отражена лишь малая часть тех проблем и вопросов, которые возникают сегодня в условиях стремительной и зачастую форсированной цифровизации. Но даже рассмотренная нами проблематика демонстрирует, что современная цивилизация стоит на пороге глобальных изменений общественного, социального, политического укладов. И то, в каком мире мы будем жить уже в ближайшем будущем, будет во многом зависеть от разумности, адекватности и эффективности национальных государственных политик, являющихся сегодня ключевым инструментом обеспечения возможностей безопасного и благополучного развития человечества в целом.

Литература

1. Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Коннективная идентичность в современном мире //Вопросы философии. - 2020. - №4. - С. 69–79. DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4-69-79.
2. Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива //Вопросы психологии. - 2019. - №4. - С. 3–28.
3. Ахременко А.С., Филиппов И.Б. Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2019. - №5. - С. 200-225. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.10.
4. Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2019. - №5. - С. 3–18. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01.
5. Бронников И.А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций //Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. - 2020. - Т.13. - №2. - С. 269–285. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-14.
6. Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономики //Экономическая социология. - 2008. - Т.9. - №3. - С. 17-24.
7. Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России //Полис. Политические исследования. - 2011. - №5. - С. 151-163.
8. Володенков С.В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций //Журнал политических исследований. - 2018. - Т. 2. - №3. - С. 1–8.
9. Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2020. - №53. - С. 188–196. DOI: 10.17223/1998863X/53/20.
10. ВЦИОМ: YouTube — «телевидение» XXI века. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10022> (дата обращения: 18.12.2020).
11. Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологии: монография. - Москва: Проспект. 2019. 144 с.
12. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. - Москва: РОССПЭН. 2001. 384 с.
13. Лекция Валери Банс «Цветные «революции через выборы»: почему они произошли и кто следующий» //Институт общественного проектирования. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-339737.html> (дата обращения: 18.12.2020).

14. *Ловинк Г.* Критическая теория интернета. - Москва: Ad Marginem, Музей совр. иск. «Гараж». 2019. 304 с.
15. *Мисников Ю.Г., Филатова О.Г.* Интернет-дискуссия как форма электронного участия: российская специфика //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2019. - №5. - С. 320–340. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.15.
16. О чем говорят роботы? URL: <http://pltf.ru/2019/08/21/o-chem-govorjat-roboty/> (дата обращения: 18.12.2020).
17. *Одинцов А.В.* Социология общественного мнения и вызов Big Data //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2017. - №3. - С. 30–43. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.04.
18. Опрос показал падение доверия россиян к телевидению. URL: <https://ria.ru/20190125/1549925023.html> (дата обращения: 18.12.2020).
19. *Платонов К.А., Юдина Д.И.* Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2019. - №5. - С. 226–249. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.11.
20. *Пономарева Е.Г.* Что такое Цветные революции и как с ними бороться? //Представительная власть. - 2016. - №1-2. - С. 26-38.
21. Предпочитаемые источники информации населения. Всероссийский телефонный опрос 19–21 июня 2020 г. //ДОМИНАНТЫ Фонда общественного мнения. 2020. Неделя 25. 25.06.2020. - С. 9.
22. *Сачмен Л.* Реконфигурация отношений человек – машина: планы и ситуативные действия. - Москва: Элементарные формы, 2019. 250 с.
23. *Скворцов Н.Г.* Этничность и трансформационные процессы. //Этничность. Национальные отношения. Социальная практика. /Под ред. В. Дресслер-Холохан и др. Санкт-Петербург: Петрополис. 1995. С. 8–25.
24. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. - Москва: Аспект Пресс. 2006. 368 с.
25. *Тараненко З.Ю.* Социальные сети как фактор влияния на политическую поляризацию в США //Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2019. - №2. - С. 101–106.
26. *Федорченко С.Н.* Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом //Журнал политических исследований. - 2020. - Т. 4. - №2. - С. 34-57. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-34-57.
27. *Федорченко С.Н.* Заря мобберных политтехнологий: политический флэшмоб //Наука и молодежь: взгляд в будущее. - Москва: "Спутник+". 2011. - С. 29-32.
28. *Федорченко С.Н.* Сетевые технологии и легитимность политического режима //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. - 2015. - № 4. - С. - 129-137.
29. *Ходжсон Д.* Что такое институты? //Вопросы экономики. - 2007. - №8. – С. 28-48.
30. Что надо знать о «цветных революциях»: учебное пособие для студентов вузов. / А.Б. Ананченко, М.В. Астахов, Е.В. Бродовская, Т.В. Евгеньева и др. - Москва: МПГУ. 2016. 136 с.
31. *Шарп Д.Ш.* От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. /Пер. с англ. Н. Козловской. - Москва: Новое издательство. 2005. 84 с.
32. City as political Idea: An Interview with Krzysztof Nawratek [Electronic Resource] // The New Metropolitan. 02.19.2015. URL: <https://www.newmetropolitan.hss.ed.ac.uk/2015/02/19/899/> (дата обращения: 18.12.2020).
33. *Hemsley-Brown J.V., Oplatka I.* Universities in a competitive global marketplace: a systematic review of the literature on higher education marketing //International Journal of Public Sector Management. - 2006. - Vol. 19. - №4. P. - 316–338.
34. *Kelly A.* International Students in Australia: Practices and Challenges [Electronic Resource] // INSIDE HIGHER ED. 11.06.2019. URL: <https://www.insidehighered.com/blogs/world-view/international-students-australia-practices-and-challenges> (дата обращения: 18.12.2020).

35. Kosinski M., Matz S.C., Gosling S.D., Popov V., Stillwell D. Facebook as a research tool for the social sciences: opportunities, challenges, ethical considerations, and practical guideline //American Psychologist. - 2015. - Vol. 70. №6. - P. 543–556.
36. Lewis M., Yarats D., Dauphin Y.N., Parikh D., Batra Dh. Deal or No Deal? End-to-End Learning for Negotiation Dialogues. Proceedings of the 2017 //Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. - Copenhagen. 2017. P. 2433-2443.
37. Lovink G., Sehle S. Incommunicado glossary //Incommunicado reader. /Eds. by G. Lovink, S. Sehle. - Amsterdam: Institute of Network Cultures. 2005. P. 3–10.
38. Pieters Y.N. Digital Capitalism and Development: the Unbearable Lightness of ICT4D //Incommunicado reader. /Eds. by G. Lovink, S. Sehle. - Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2005. P. 11–29.
39. Problemlagen und Herausforderungen internationaler Studierender in Deutschland [die Elektronische Ressource] //DAAD. URL: https://www2.daad.de/medien/der-daad/analysenstudien/sesaba/vorstudie_pineda_2018.pdf (дата обращения: 18.12.2020).
40. Rekettye G., Pozsgai G. University and place branding: The case of universities located in ECC (European Capital of Culture) cities //Ekonomski viesnik: Review of Contemporary Entrepreneurship, Business and Economic. - 2015. - Vol. 28. - Special Issue. - P. 13–24.
41. Stehr N. The Fragility of Modern Societies: Knowledge and Risk in the Information Age. - L.: SAGE Publications Ltd. 2001. 240 p.
42. Volodenkov S.V., Pastarmadzhieva D.D. Digital society in the context of the COVID-19 pandemic: first results and prospects (comparative analysis of the experience of Russia and Bulgaria) //Журнал политических исследований. - 2020. - Т.4. - №2. - С. 80-89. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-80-89.

References

1. Artamonova Yu.D., Demchuk A.L. Konnektivnaya identichnost' v sovremennom mire [Connective identity in the modern world]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2020, I. 4, pp. 69–79. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-69-79. (In Russian).
2. Asmolov G.A., Asmolov A.G. Internet kak generativnoe prostranstvo: istoriko-evolyutsionnaya perspektiva [The Internet as a generative space: a historical and evolutionary perspective]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 2019, I. 4, pp. 3–28. (In Russian).
3. Akhremenko A.S., Filippov I.B. Vliyanie silovogo podavleniya protesta na obsuzhdenie protestnoy aktsii v sotsial'nykh setyakh [The impact of violent suppression of a protest on the discussion of a protest action in social networks]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. 2019, I. 5, pp. 200-225. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.10. (In Russian).
4. Brodovskaya E.V., Khuang T. Tsifrovoe pokolenie: grazhdanskaya mobilizatsiya i politicheskiy protest rossiyskoy molodezhi [Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. 2019, I. 5, pp. S. 3–18. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01. (In Russian).
5. Bronnikov I.A. Samoorganizatsiya grazhdan v epokhu tsifrovykh kommunikatsiy [Self-organization of citizens in the era of digital communications]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. [Contours of global transformations: politics, economics, law]. 2020, V. 13, I. 2, pp. 269–285. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-14. (In Russian).
6. Buaye R., Brusso E., Kaye A., Favro O. K sozdaniyu institutsional'noy politicheskoy ekonomii [To the creation of institutional political economy]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. [Economic sociology]. 2008, V. 9, I. 3, pp. 17-24. (In Russian).
7. Bykov I.A., Khall T.E. Tsifrovoe neravenstvo i politicheskie predpochteniya internet-pol'zovateley v Rossii [Digital inequality and political preferences of Internet users in Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 2011, I. 5, pp. 151-163. (In Russian).
8. Volodenkov S.V. Massovaya kommunikatsiya i obshchestvennoe soznanie v usloviyakh sovremennykh tekhnologicheskikh transformatsiy [Mass communication and public consciousness in

- the context of modern technological transformations]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2018, V. 2, I. 3, pp. 1-8. (In Russian). (In Russian).
9. Volodenkov S.V., Artamonova Yu.D. Informatsionnye kapsuly kak strukturnyy komponent sovremennoy politicheskoy internet-kommunikatsii [Information capsules as a structural component of modern political Internet communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2020, I. 53, pp. 188–196. DOI: 10.17223/1998863Kh/53/20. (In Russian).
10. VTsIOM: YouTube — «televidenie» XXI veka [VTsIOM: YouTube is the "television" of the XXI century]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10022> (Accessed: 18.12.2020). (In Russian).
11. Isaev I.A. *Tekhnologii vlasti. Vlast' tekhnologii: monografiya* [Power technologies. Power of technology: monograph]. M., Prospekt Publ., 2019, 144 p. (In Russian).
12. Ledyayev V.G. *Vlast': kontseptual'nyy analiz* [Power: A Conceptual Analysis]. M., ROSSPEN Publ., 2001, 384 p. (In Russian).
13. Lektsiya Valeri Bans «Tsvetnye «revolyutsii cherez vybory»: pochemu oni proizoshli i kto sleduyushchiy» [Valerie Bunce's lecture "Colored "revolutions through elections": why they happened and who is next?"]. Institut obshchestvennogo proektirovaniya [Institute for Social Design]. Available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-339737.html> (Accessed: 18.12.2020).
14. Lovink G. *Kriticheskaya teoriya interneta* [Critical theory of the Internet]. M., Ad Marginem, Muzey sovr. isk. «Garazh» Publ., 2019, 304 p. (In Russian).
15. Misnikov Yu.G., Filatova O.G. Internet-diskussiya kak forma elektronno go uchastiya: rossiyskaya spetsifika [Internet discussion as a form of electronic participation: Russian specificity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. 2019, I. 5, pp. 320–340. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.15. (In Russian).
16. O chem govoryat roboty? [What are robots talking about?]. Available at: <http://pltf.ru/2019/08/21/o-chem-govorjat-roboty/> (Accessed: 18.12.2020). (In Russian).
17. Odintsov A.V. Sotsiologiya obshchestvennogo mneniya i vyzov Big Data [Sociology of Public Opinion and the Challenge of Big Data]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. 2017, I. 3, pp. 30–43. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.04. (In Russian).
18. Opros pokazal padenie doveriya rossiyan k televideniyu [The poll showed a decline in Russians' trust in television]. Available at: <https://ria.ru/20190125/1549925023.html> (Accessed: 18.12.2020). (In Russian).
19. Platonov K.A., Yudina D.I. Povestka protestnykh onlayn-soobshchestv Sankt-Peterburga vo «VKontakte» [Agenda of protest online communities of St. Petersburg in «VKontakte»]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. 2019, I. 5, pp. 226–249. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.11. (In Russian).
20. Ponomareva E.G. Chto takoe Tsvetnye revolyutsii i kak s nimi borot'sya? [What are Color Revolutions and how to deal with them?]. *Predstavitel'naya vlast'* [Representative power]. 2016, I. 1-2, pp. 26-38. (In Russian).
21. Predpochitaemye istochniki informatsii naseleniya. Vserossiyskiy telefonnyy opros 19–21 iyunya 2020 g. [Preferred sources of information for the population. All-Russian telephone survey on June 19–21, 2020]. DOMINANTY Fonda obshchestvennogo mneniya [DOMINANTS of the Public Opinion Foundation]. 2020, Nedelya 25 [Week 25], 25.06.2020, p. 9. (In Russian).
22. Sachmen L. *Rekonfiguratsiya otnosheniy chelovek – mashina: plany i situativnye deystviya* [Reconfiguration of Man-Machine Relations: Plans and Situational Actions]. M., Elementarnye formy Publ., 2019, 250 p. (In Russian).
23. Skvortsov N.G. Etnichnost' i transformatsionnye protsessy [Ethnicity and transformational processes] *Etnichnost'. Natsional'nye otnosheniya. Sotsial'naya praktika* [Ethnicity. National

- relations. Social practice]. Ed. by V. Dressler-Holohan et al. SPb., Petropolis Publ., 1995. pp. 8–25. (In Russian).
24. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya [Ethnopsychology]. M., Aspekt Press Publ., 2006, 368 p. (In Russian).
25. Taranenko Z.Yu. Sotsial'nye seti kak faktor vliyaniya na politicheskuyu polyarizatsiyu v SShA [Social networks as a factor influencing political polarization in the United States]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economics, culture]. 2019, I. 2, pp. 101–106. (In Russian).
26. Fedorchenko S.N. Fenomen iskusstvennogo intellekta: grazhdanin mezhdru tsifrovym avatarom i politicheskim interfeysom [The phenomenon of artificial intelligence: a citizen between the digital avatar and the political interface]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2020, V. 4, I. 2, pp. 34-57. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-34-57. (In Russian).
27. Fedorchenko S.N. Zarya mobbernykh polittekhnologiy: politicheskiy fleshmob [Dawn of mobber political technologies: political flash mob] *Nauka i molodezh': vzglyad v budushchee* [Science and youth: a look into the future]. M., Sputnik+ Publ., 2011, pp. 29-32. (In Russian).
28. Fedorchenko S.N. Setevye tekhnologii i legitimnost' politicheskogo rezhima [Network technologies and the legitimacy of the political regime] *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Science]. 2015, I. 4, pp. 129-137. (In Russian).
29. Khodzhson D. Chto takoe instituty? [What are institutions?]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2007, I. 8, pp. 28-48. (In Russian).
30. Chto nado znat' o «tsvetnykh revolyutsiyakh»: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [What you need to know about "color revolutions": a textbook for university students]. /A.B. Ananchenko, M.V. Astakhov, E.V. Brodovskaya, T.V. Evgen'eva and others, M., MPGU Publ., 2016, 136 p. (In Russian).
31. Sharp D.Sh. *Ot diktatury k demokratii: Strategiya i taktika osvobozhdeniya* [From Dictatorship to Democracy: Strategy and Tactics for Liberation]. Translation from English N. Kozlovskoy, M., New publishing house Publ., 2005, 84 p. (In Russian).
32. City as political Idea: An Interview with Krzysztof Nawratek [Electronic Resource]. The New Metropolitan. 02.19.2015. Available at: <https://www.newmetropolitan.hss.ed.ac.uk/2015/02/19/899/> (Accessed: 18.12.2020).
33. Hemsley-Brown J.V., Oplatka I. Universities in a competitive global marketplace: a systematic review of the literature on higher education marketing, *International Journal of Public Sector Management*, 2006, V. 19, I. 4, pp. 316–338.
34. Kelly A. International Students in Australia: Practices and Challenges [Electronic Resource] INSIDE HIGHER ED. 11.06.2019. Available at: <https://www.insidehighered.com/blogs/world-view/international-students-australia-practices-and-challenges> (Accessed: 18.12.2020).
35. Kosinski M., Matz S.C., Gosling S.D., Popov V., Stillwell D. Facebook as a research tool for the social sciences: opportunities, challenges, ethical considerations, and practical guideline, *American Psychologist*, 2015, V. 70, I. 6, pp. 543–556.
36. Lewis M., Yarats D., Dauphin Y.N., Parikh D., Batra Dh. Deal or No Deal? End-to-End Learning for Negotiation Dialogues. Proceedings of the 2017, *Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, Copenhagen, 2017, pp. 2433-2443.
37. Lovink G., Sehle S. Incommunicado glossary, *Incommunicado reader*, Eds. by G. Lovink, S. Sehle, Amsterdam, Institute of Network Cultures Publ., 2005, pp. 3–10.
38. Pieters Y.N. Digital Capitalism and Development: the Unbearable Lightness of ICT4D, *Incommunicado reader*, Eds. by G. Lovink, S. Sehle, Amsterdam, Institute of Network Cultures Publ., 2005, pp. 11–29.
39. Problemlagen und Herausforderungen internationaler Studierender in Deutschland [die Elektronische Ressource]. DAAD. Available at: https://www2.daad.de/medien/der-daad/analysen-studien/sesaba/vorstudie_pineda_2018.pdf (Accessed: 18.12.2020).

40. Rekettye G., Pozsgai G. University and place branding: The case of universities located in ECC (European Capital of Culture) cities, *Ekonomski viesnik: Review of Contemporary Entrepreneurship, Business and Economic*, 2015, V. 28, Special Issue, pp. 13–24.
41. Stehr N. *The Fragility of Modern Societies: Knowledge and Risk in the Information Age*, L., SAGE Publ., 2001, 240 p.
42. Volodenkov S.V., Pastarmadzhieva D.D. Digital society in the context of the COVID-19 pandemic: first results and prospects (comparative analysis of the experience of Russia and Bulgaria). *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2020, V. 4, I. 2, pp. 80-89. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-80-89.